

Тихий революционер

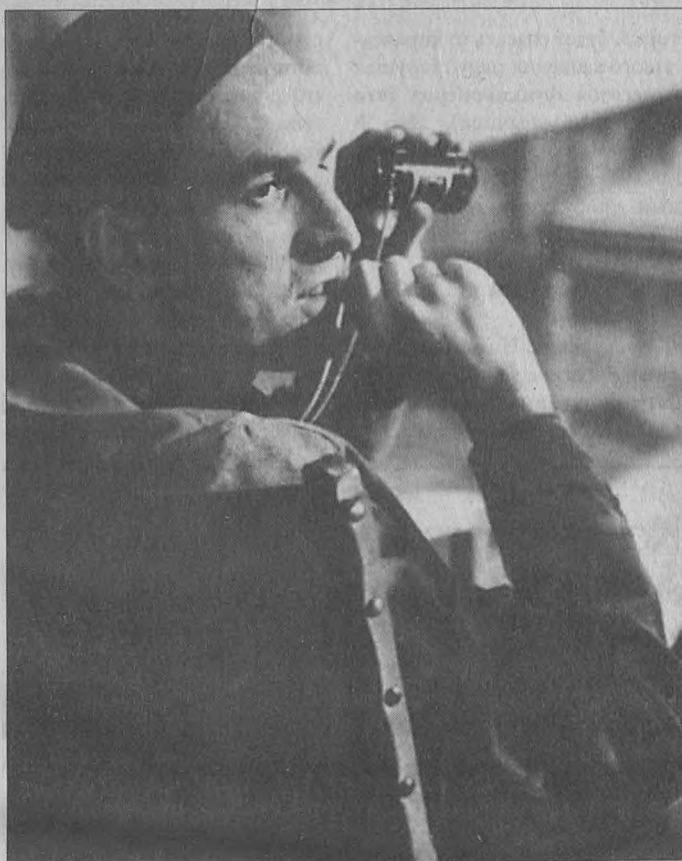
Ингмару Бергману исполнилось 85

*Независимая газета. - 2003
- 15 июля, - с. 8*

Екатерина Барабаш

Если есть в современном кинематографе, да и в кинематографе вообще, более именитый, более глубокий, более знаменитый и более непонятный, чем Эрнст Ингмар Бергман, то... Впрочем, не трудитесь, такого все равно не найти. Человек, в чьем мозгу сосредоточилась Вселенная, перемешались вся мудрость человеческая, все ошибки и добродетели земные.

Сказать, что Бергман опрокинул наши представления о кинематографе, — значит слабенько высказаться о том, что он сделал для кино. К тому времени Бунюэль уже почти поставил кино с ног на голову, и казалось, больше никому ничего не светит. Но Бергман даже не потрудился, как Бунюэль, перевернуть наши представления о кинематографе, он просто открыл другое кино. Тихий такой революционер. Как Шекспир из, в общем-то, житейских ситуаций (ну скучал юноша Гамлет по убитому папе и не любил отчима-убийцу) творил трагедии, над которыми, содрогаясь, бессильно рыдает по-

Зачем Бергману мировоззрение? Он велик и без него.

Сейчас модно не любить Бергмана. Он скучен. Как, впрочем, модно стало не любить Тарковского, Феллини, Германа, Ан-

его картинах сюжет скрипит не смазанной телегой, то и дело останавливаясь вообще, любовные интриги остаются где-то за кадром, уступая место за запутанным отношениям с Богом и самим собой, как в «Седьмой печати», то отношениям матери с дочерью, как в «Осенней сонате». Да и то — что, казалось бы, может быть проще и естественней взаимного недовольства взрослых матери и дочери. На эту тему снято, наверное, несколько сотен фильмов в мировом кинематографе. А у Бергмана дуэт Лив Ульманн и Ингрид Бергман вырывает для человека с нормальными извилинами высоту отношений на уровне каких-то интеллектуальных клеев, что ли.

В фильмах Бергмана очень много разговоров. Их порой так много, что зритель то и дело готов потерять нить беседы, а визуальный бергмановский ряд далеко не всегда способен привлечь. Причем Бергмана даже не смущают ситуации, как, например, в фильме «Персона» с блистательно разыгранным дуэтом Лив Ульманн и Биби Андерссон, когда весь фильм говорит только один персонаж. Но непостижимым образом именно молчащая весь фильм актриса становится главной, ее изломанная душа словно окутывает говорливую визави, и вот уже непонятно — кто из них есть кто. Между прочим, такие фортели никому, кроме Бергмана, безнаказанно не проходят. Не раз вслед за ним небесталанные режиссеры пытались взяться за подобное и терпели полное фиаско.

Но Бергман не боится ничего. Ему — даже больше — плевать. Кто хочет — поймет. Кто не поймет, тому и не надо. Один из персонажей книги Бергмана «Благие намерения», вышедшей шесть лет назад, говорит: «У меня нет никакого мировоззрения, поэтому я так много говорю». В тех редких интервью, которые дает режиссер, на вопрос о своем мировоззрении, о своем кредо он отвечает примерно так же. Ему почему-то никто не верит. Но достаточно посмотреть несколько его картин — и станет ясно, что никакого мировоззрения у Бергмана не было, нет и уже скорее всего никогда не будет. Поэтому и говорят так много все герои бергмановских картин, что и они лишены нужной роскоши жить с каким-то мировоззрением, когда жизнь и без того так сложна и запутанна. «Седьмая печать», «Сцены из семейной жизни», «Шепоты и крики», «Земляничная поляна», даже «Змеиное яйцо» — что может быть столь прекрасно безыдейно, но при всей философской запутанности страннейшим образом узнаваемо и жизненно?

Бергман даже не потрудился перевернуть наши представления о кино, он просто создал другое

коление за поколением, так Бергман придумал целый мир кино, где тоже житейские ситуации оборачиваются невиданным по накалу страстей и философской надрынности драмами.

тониони. Всех тех, кого раньше не любить считалось дурным тоном. Бергман действительно скучен. Иногда его просто хочется выключить, устав от бесконечных разговоров героев. В